

*Детективы  
о женщине-стихи*

**Собирайте книги Ирины Градовой —  
истории женщин, которые  
научились побеждать:**

Сколько стоит твоя смерть  
Жена государственной важности  
Инстинкт хищницы  
Слишком легко, чтобы умереть  
Рай для неудачниц  
Соло на раскаленной сцене  
Танцующая в волнах  
Хоровод обреченных  
Химия преступной страсти  
Хроники ревнивого сердца  
Самый сильный пол  
Отказано выжить

Ирина **ГРАДОВА**

**Отказано  
ВЫЖИТЬ**



Москва  
2017

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Г75

Оформление серии *Н. Никоновой*

**Градова, Ирина.**

Г75 Отказано выжить : [роман] / Ирина Градова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Детективы о женщине-стихии).

ISBN 978-5-699-99501-1

Странная ирония судьбы: Агния собиралась с любимым человеком в центр мира, на отдых к Средиземному морю, а оказалась на окраине — в самом депрессивном петербургском районе, в клинике, где доживают свои дни никому не нужные старики. Кажется, обстоятельства так же выталкивают ее из центра событий, как этих бывших юристов, бухгалтеров и продавцов выживают из центра Питера и просто из жизни. Что ж, самое время учиться управлять пусть не собственной судьбой, а странством. Доктор Агния найдет того, кто помогает пациентам скорее отправиться в мир иной, и докажет, что центр, по крайней мере сегодня, именно там, где она!..

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99501-1

© Градова И., 2017  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2017

Женщина открыла глаза и несколько минут лежала неподвижно, устремив взгляд в потолок. Вокруг не слышалось ни звука: все в палате спали крепким сном, что неудивительно: маленькие желтые таблетки, которые приносят каждый раз после ужина, делали свое дело.

Она похвалила себя за сообразительность. Последнее несколько дней ее порция устремлялась не в желудок, а заканчивала жизнь в раковине, под сильной струей воды. Только благодаря этому она все еще не потеряла способность трезво мыслить!

Спустив ноги с кровати, она сунула их в тапки и снова помедлила несколько минут, прислушиваясь к каждому звуку. Кроме шума деревьев за окном и грохота редких еще трамваев по рельсам всего в каких-нибудь двухстах метрах за шлагбаумом, предрассветную тишину больше ничто не нарушало.

Женщина выбрала именно этот час, а не ночь, потому что именно перед рассветом наиболее ослаблена бдительность тех, кто призван за ней следить. Надвигается день, и все уверены, что в промежутке между самым темным даже в белые ночи временем суток и восходом солнца просто ничего произойти не может. И именно в это время она ускользнет!

Осторожно прикрыв за собой дверь, женщина вышла в пустынный коридор, тускло освещенный лампами дежурного света. На сестринском посту никого: разумеется, ведь сегодня дежурит Оксана, а ее дежурства, по странному стечению обстоятельств, почти всегда совпадают с дежурствами ординатора Пети Храпова. Наверняка они с Оксаной сейчас милуются в бельевой или спят — самое время исчезнуть.

Она не воспользовалась лифтом: движение пассажирской кабины в столь неурочное время может привлечь ненужное внимание со стороны персонала. А ей ведь неизвестно, кому здесь можно доверять. Поэтому оставалась лестница.

Женщина медленно спустилась на первый этаж, время от времени замирая на ступеньках, прислушиваясь и оглядываясь, словно мышь, крадущаяся мимо спящего кота. Она уже собиралась толкнуть дверь, ведущую в общий коридор, как вдруг услышала голоса.

— Ну почему, почему именно к нам всегда доставляют перестарков и бомжей, а? — возмущался женский голос. — Одни приезжают умирать, другим и лечение-то не нужно — только теплое место для ночлега да бесплатный душ!

— Ты совершенно права, дорогуша, — откликнулся в ответ ей мужчина. — Я бы все отдал за то, чтобы иметь дело только с членами правительства, но — что делать... Жизнь полна несправедливости!

Голоса стали удаляться в направлении служебных лифтов. Женщина еще несколько минут постояла на лестнице, не решаясь открыть дверь, но пора было действовать, и желание свободы пересилило страх и осторожность.

Выход из клиники в это время, конечно, закрыт, но можно выбраться через приемный покой: если повезет, там окажется достаточно народу, чтобы смешаться с толпой и незаметно выскочить на улицу. Она не думала о том, как будет добираться до дома, не имея ни копейки денег. Ничего, что-нибудь придумает, как только больница останется позади.

Женщина еще раз поздравила себя: прежде чем спуститься, догадалась прихватить в незапертой сестринской чей-то мятый белый халат. Пусть и без бейджика, но все-таки... Правда, больничные тапки выдают пациентку, но, с другой стороны, почему медсестра или, скажем, нянечка не может надеть тапки после тяжелой смены, когда ноги устали и гудят? Опять же, если повезет, то никто просто не обратит внимания на обувь.

Беспрепятственно добравшись до двери в приемный покой, беглянка позволила себе перевести дух. Здесь, как она и предполагала, было достаточно людей, и никто не обратил особого внимания на старую женщину в белом халате и шлепанцах. Дежурная медсестра лишь скользнула равнодушным взглядом и спросила:

— Что так поздно со смены?

— Да... как-то завозилась... Дома уж заждались, наверное! — нашлась она.

И вот наконец заветная дверь. Толстый охранник курил, приоткрыв створку, и женщина, прошмыгнув мимо него, оказалась в больничном дворе, куда подъезжали машины «Скорой помощи». Оставалось лишь обойти здание и выйти за шлагбаум: там никого не интересуют пешеходы, проверяют только автомобили.

На улице она сразу почувствовала, что замерзает: сильный порыв ветра едва не вытряхнул ее тощее тело из халата, а в небе неприветливо хмурились тучи — видимо, собирался дождь, а то и гроза.

— Ну, и куда это мы намылились? — вдруг раздался за ее спиной чуть насмешливый мужской голос. Но напускное добродушие не могло обмануть беглянку: в тоне говорившего угадывался с трудом сдерживаемый гнев. — Без верхней одежды, в такой ветер... И о чем вы только думали?

Она могла бы попытаться убежать — до спасительного шлагбаума, отделяющего ее от свободы, рукой подать...

Безнадежно опустив плечи, женщина покорно поплелась к окликнувшему ее человеку, который стоял на месте и не сделал ни единого движения по направлению к ней: знал, что она никуда не денется.

\* \* \*

Несмотря на середину июля, погода оставляла желать лучшего. В Питере так всегда: ждешь лета, ждешь, строишь какие-то планы, а вот оно приходит — холодное, дождливое, короткое — и почти мгновенно перетекает в осенний листопад!

В этом году я собиралась обмануть природу и провести хотя бы пару недель там, где светит солнце, плещется море и растут пальмы, однако в последний момент планы сорвались. Поэтому мое настроение полностью соответствовало погоде: дождь лил как из ведра, и зонтик оказался совершенно бесполезен из-за сильных порывов ветра — мои джинсы намокли по



самые колени, а в туфлях — в моих новых дорогих кожаных туфлях! — хлюпала вода.

Мы с Олегом собирались в отпуск вместе. Специально подгадывали время, чтобы графики совпали, и так дотянули до июля — прямо скажем, не самый удачный месяц для заграничной поездки: цены на путевки высокие, а жара на курортах на самом пике. Тем не менее мы ждали поездки как манны небесной. Путевки были уже у нас на руках, как вдруг выяснилось, что главный и сам решил отдохнуть, а одновременно с ним сорвались еще несколько заведующих отделениями. И, конечно, именно Шилову необходимо было остаться на месте. Я рвала и метала: почему? Лето ведь, не самый сезон для травм, но Олег сказал, что я не права: да, летом меньше падений из-за обледенения и, соответственно, переломов, а также плановых операций — большинство народа разъезжается по дачам. Зато именно на эти месяцы приходится самый высокий уровень автомобильных аварий и несчастных случаев на дорогах.

В общем, Шилов сказал, что я могу ехать одна или взять с собой сына или подругу, но это же — совсем другое дело! Мы так давно мечтали побыть только вдвоем, хотя бы несчастные две недели, поэтому заявление Олега, что он не едет, повергло меня в черную депрессию. Конечно, Шилов чувствовал себя виноватым. И правильно, черт подери! Ведь мог же упереться, как другие завы, и сказать главному, что уже приобрел путевку и не может ничего отменить? Вполне мог.

Настроение мое было на нуле еще и потому, что вот уже два дня я с Шиловым не разговариваю, а через три дня начинается мой такой долгожданный, но

теперь совершенно бесполезный отпуск. Тем не менее я решила ничего не отменять: пусть не еду с Олегом, отправлюсь и одна. Или, в конце концов, с Лариской, если ей, конечно, удастся вырваться из своих трех стоматологических клиник хотя бы на четырнадцать дней... Или, может, поехать с Дэном? Правда, сынуля уже большой и, наверное, не захочет проводить время выгуливая мамашу, вместо того чтобы общаться с друзьями.

Ну, в любом случае я не собиралась сдаваться: даже если никуда и не поеду, то все равно отдохну по полной программе — схожу по магазинам, ведь мне так редко удается это делать из-за большой загруженности в больнице и со студентами, посету Эрмитаж и Русский, где не была, наверное, со студенческих времен, съезжу в Павловск или Пушкин... Питер, несмотря на свои недостатки, как раз тот город, в котором просто нет времени скучать!

Войдя в холл, я стряхнула влагу с зонта и уже собиралась пройти к лифтам, как вдруг меня остановила консьержка:

— Агния, вас просила зайти сорок вторая квартира.

В сорок второй проживает одна из моих постоянных пациенток — соседка, которой я время от времени измеряю давление, уровень сахара и холестерина. Зовут ее Таисией Михайловной Новиковой, ей хорошо за восемьдесят, и она уже лет двадцать никуда не выходит из собственной квартиры. Многие считают ее чуть тронутой, но в целом соседи жалеют старушку и помогают кто чем может: ходят в магазин или на почту, покупают телевизионную программу и так далее. Между прочим, у нее имеется двое детей, но каждый

из них, очевидно, считает, что о престарелой матери должен заботиться другой, а потому сын и дочь навещают Таисию Михайловну крайне редко, в основном по праздникам, да и то ненадолго. Она же в свою очередь предпочитает «не беспокоить» детей слишком часто своими «стариковскими нуждами». Чрезвычайно удобно, не так ли?

Поднявшись на этаж, я подошла к квартире и постучала: звонок на двери пенсионерки не работает уже лет пять, но у нее, несмотря на возраст, превосходный слух. Подождала несколько минут, понимая, что старушка не может подхватиться немедленно, ей необходимо время для того, чтобы добраться до двери. Наконец по другую сторону раздался шорох и звон цепочки, а потом скрипучий голос недоверчиво поинтересовался:

— Кто там?

Я представилась.

— Ой, Агния, деточка! — Голос старушки мгновенно стал более мелодичным и приветливым. — Сейчас-сейчас, открываю...

— Ну, что у нас случилось? — поинтересовалась я, окидывая взглядом невысокую, в меру упитанную фигуру Таисии Михайловны. На вид она показалась мне вполне здоровой.

— Да я не о себе хотела с вами побеседовать, — отмахнулась старушка. — А что, консьержка ввела вас в заблуждение? Вот говорила же ей — это не горит...

— Ладно-ладно, — улыбнулась я. — Так в чем же дело-то?

— Да в соседке моей по лестничной площадке, Нинке Марковой. Вы ее знаете, Агния!

Я не сразу поняла, что она имеет в виду Нину Максимовну Маркову из сорок четвертой квартиры. Хотя, конечно, судя по преклонному возрасту обеих, они вполне могли не использовать отчеств в общении друг с другом.

— И что с ней?

— Так пропала она, вот что!

— Как — пропала?

— В больницу ее отвезли.

— Ну вот, а вы говорите — пропала, — вздохнула я с облегчением.

— Да пропала, пропала! Ночью это было, часа в два. Я ведь и днем-то не выхожу, дверь только социальному работнику открываю да вот вам, к примеру. А ночами не сплю, смотрю ночной канал — слава богу, есть теперь такая возможность, а то раньше просто не знала, чем и заняться... Так вот, смотрю я телик, потом слышу — шум в коридоре. Ну, я к двери подошла, в «глазок» гляжу — выходят из Нинкиной квартиры двое в синей униформе и сама она, еле ползет. И с тех пор — ни слуху ни духу! Я ей на мобильник звонила — никто не отвечает...

— А сколько времени прошло? — спросила я.

— Да уж недели три. Представляете, Агния? Так долго, насколько я знаю, у нас в больницах никого не держат. И почему же я дозвониться-то до Нинки не могу? Эх, и что ж это я выйти побоялась... Хоть спросила бы, в какую больницу ее повезут...

— А вы не пытались с родственниками Нины Максимовны связаться? Может, они в курсе?

— Вот они-то уж точно — не в курсе! — замотала головой старушка. — Есть у нее родственники — и пле-

мянница, и сынок, только живут они в Выборге. Не так уж и далеко, разумеется, только Нинка с ними не общалась вовсе. Она ж молодая еще совсем, всего семьдесят два ей, сама себя прекрасно обслужить может и на тот свет пока не собиралась... Только вроде бы поругались они с племянницей. Уж и не знаю, из-за чего.

— И давно?

— Да больше года не общались, — вздохнула Таисия Михайловна.

— Тогда надо в полицию заявить о пропаже человека, — сказала я. — Если хотите, я поговорю с одним своим знакомым.

— Даже не знаю... — пробормотала Таисия Михайловна. — Думаете, все так серьезно?

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — Но надо бы. Для очистки совести!

Придя домой, я первым делом звякнула Родину, бывшему маминому ученику, а ныне следователю по особо важным делам, и сообщила ему имя пропавшей старушки, вкратце изложив обстоятельства дела. Тот не слишком меня обнадежил, сказав, что розыск пропавших — не его юрисдикция. Почувствовав мое разочарование, Родин все-таки пообещал поговорить со своим приятелем из соответствующего отдела, но попросил меня не обольщаться: работы у них — выше крыши, потому что каждый божий день в городе пропадает чертова туча народу, а находят единицы.

\* \* \*

Собираясь утром на работу, я поймала себя на мысли, что уже скучаю без Олега. Строго говоря, мы виделись каждый день — в коридорах его отделения, на

операциях, но вот уже несколько дней я разговаривала с ним только по делу и суровым профессиональным тоном, давая Шилову понять, что обижена на него за сорванный отпуск. Однако держать дистанцию оказалось гораздо сложнее, чем думалось вначале: стоило мне увидеть его светлые взъерошенные волосы и несчастные глаза, молча умоляющие о прощении, как я почувствовала, что готова сдаться.

— Он заходил! — сообщила Маша, едва я распахнула дверь в ординаторскую.

Мы с ней друг друга недолюбливаем, потому что моя коллега считает, что заведующая отделением Охлопкова слишком многое мне позволяет, так как я хожу у нее в любимчиках. Тем не менее Маша никогда не могла пройти мимо свежих сплетен. Кроме того, она достаточно внимательна, чтобы заметить перемену в наших с Шиловым отношениях, хоть мы и работаем в разных отделениях. Очевидно, сейчас коллега жаждала новостей, но я вовсе не собиралась доставлять ей удовольствие.

— Что-то передавал? — равнодушно спросила я.

— Нет, сказал, что позже заглянет.

Очень хорошо — у Шилова ничего не выйдет! У меня сегодня вообще нет операций в травматологии, зато целых четыре — в гастроэнтерологии и пульмонологии, так что шансы встретить Олега стремятся к нулю.

Меня ожидает длинный день, плавно перетекающий в ночное дежурство — последнее перед отпуском. Перед тем как отключить телефон, я взглянула на дисплей и увидела там сообщение от Вики. Это меня удивило: мы не общались уже больше месяца, и я и думать забыла об Отделе медицинских расследований,

в который меня едва не угораздило вступить с легкой руки вице-губернатора Кропоткиной, что могло девушке от меня понадобиться? Мне нравилась Вика — у меня вполне могла быть такая дочь, если бы я родила ее очень рано. Однако отвечать или перезванивать Вике сейчас не было времени, и я решила отложить общение до лучших времен.

День выдался не только длинным, но и невыносимо тяжелым. Вторая операция в отделении пульмонологии продлилась целых четыре часа, и я просто не представляла, как доживу до вечера. В час я буквально приползла в пустой буфет, чтобы перехватить пару пирожков, которые прямо там печет профессиональный пекарь-кондитер. Среди множества недостатков нашего Главного имеются и бесспорные достоинства: он любит получать все самое лучшее не только лично для себя, но и для учреждения, которое возглавляет. Именно он поставил в буфете и в приемном отделении кофемашину, и все сотрудники получили возможность наслаждаться прекрасно приготовленным напитком. И Главный же пригласил на работу кондитера: в его исполнении пиццы, пирожки и пирожные представляли собой настоящие произведения искусства. Правда, нельзя сказать, что женский персонал испытывал по этому поводу большую благодарность: теперь в буфете кормили так вкусно, что возникала конкретная опасность поправиться на несколько кило в считанные дни.

Не успела я заплатить за рыбный расстегай, как увидела знакомую фигуру в белом халате. Бежать было поздно, и я чинно направилась к столику в глубине маленького зала, старательно делая вид, что страшно